

Спустя десятилетия в кампонге* будут вспоминать час, положивший начало тем событиям, — час, когда волны вымывали свет из отощавшей, голодной луны. Спустя десятилетия задумаются о том, как все пошло бы, реши в то утро Ли повернуть назад — вдруг отцу, который как раз копался в моторе, сделалось бы худо или малыш разревелся бы, и они махнули бы рукой на работу и развернули свое деревянное суденышко к дому. Могло ли все пойти иначе? Пролетят десятилетия — а ответ на этот вопрос так и не появится.

А может ли вообще прошлое срастись с настоящим? Смерть Дяди, такая, какой она пришла: оборванец сгорел, превратился в обугленную головешку в доме, который вроде как даже не принадлежал ему. И весь кампонг уничтожен. Нет, как того ни боялись обитатели, не волны, повинувшись воле какого-нибудь сердитого бога, смыли деревню — кампонг растащили на кусочки и распродали сами же местные. Если бы только мальчик, самый славный и ранимый в кампонге, несмотря ни на что, стал мужчиной, способным подчинить будущее своей воле...

Возможно, он так и поступил бы, но, может, не время всему причина, не лодка и не море, а сам мальчик.

* Деревня (малайск.). — Здесь и далее примеч. перев.

Впрочем, такие вопросы следует задавать по окончании всех войн, после рождения нации, когда море, некогда считавшееся надежным и неизменным, остановили лишь тонны песка. Этими вопросами стали задаваться, когда все уже произошло, когда любые действия сделались уже бессмысленны, случившееся изжило себя, обернулось ископаемым.

Однако сейчас на дворе был по-прежнему 1941 год, Сингапуром, как и столетие до этого, правили *ан мо**, а мальчик, крохотный, перепуганный, съежился на корме отцовской лодки.

Ли А Бооню было семь, и он, как любил напоминать ему старший брат Хиа, запоздал почти на год. Сам Хиа, которому исполнилось девять, впервые вышел в море в шестилетнем возрасте. Но если у Хиа в шесть лет руки были мускулистыми и загорелыми, а икры сильными и пружинистыми, так что он легко перескакивал через деревянную ограду кампонга, то семилетний А Боонь оставался хляком с впалой грудью, тощими ногами и по-девчачьи тонкими ручонками. Он проводил на солнце не меньше времени, чем брат, но кожа его так и не утратила молочной бледности, какая бывает у приготовленной на пару дорогой рыбы. Отсюда и его прозвище.

— Лещ!

Услышав оклик брата, А Боонь отпрянул от борта лодки. В тусклом свете луны море вокруг походило на вязкое черное масло, мягко кольшущееся на ветру. При мысли о том, что таится под складками воды, он вздрогнул.

* Рыжеволосые — обозначение белых людей, используемое преимущественно в Малайзии и Сингапуре (*хоккьен*). Хоккьен — разновидность китайского языка. На хоккьене разговаривает китайское население Тайваня, Сингапура, Малайзии и других стран.

— Чего, Лещ, страшно тебе?

Переступая через канаты и сети, которыми было завалено дно лодчонки, Хиа двинулся к А Бооню. Двигался он с бесстрашной, пугающей легкостью и напоминал мелкого варана из тех, что снуют в высокой траве вокруг кампонга. Хиа обхватил А Бооня за плечи и развернул к морю:

— Гляди, храбрец!

И неожиданно толкнул брата, будто хотел выбросить за борт. Лодка накренилась, вода оказалась прямо перед глазами А Бооня, он ухватился за борт и тихонько ойкнул.

— А чего, — сказал Хиа, — Па ведь не все рассказывает про первый выход. Он же не говорил тебе про то, как положено посреди ночи окунаться, да?

Хиа пустился в рассказ о традиции, через которую проходит каждый сын рыбака, впервые выйдя на большую воду. О том, что совсем скоро Па выведет лодку подальше в море, заглушит мотор и прикажет А Бооню прыгнуть за борт.

Вокруг пульсировал океан. А наверху, слепое и беззвездное, раскинулось во все стороны небо. Худосочную луну накрыло облаком, и темнота ступила.

А Боонь подумал о рыбах. Созданиях с сияющими глазами и серебряными телами, похожими на единую налитую мышцу. Весь последний год он промучился, помогая отцу разбирать улов. Живые рыбыны в сетях отчаянно разевали рты, а их блестящие глаза смотрели с такой безысходностью, что мальчик, рыдая, в ужасе убегал, и лишь насмешки брата и резкие отцовские окрики заставляли его вернуться к работе.

А Боонь научился сохранять внешнее хладнокровие, даже если случайно наступал на берегу на скользкую нежгучую медузу, давя живую мокрую плоть. Он отточил способность скрывать неприязнь к строптивому

морю, от которого зависела жизнь на берегу, его отвращение превратилось в холодный стеклянный шарик в глубине желудка. Но слова Хиа о том, что ему придется окунуться всем крохотным телом в широкое темное море, — этого мальчик не вынес.

— Не хочу, — только и проговорил он.

— Не хочешь? — завопил Хиа. — Да кто тебя спросит? Придется плыть, далеко-далеко, пока не услышишь, как мы тебя зовем. Это традиция. Что такое традиция, ты понимаешь?

Традиция — это клей, на котором естественным образом держались все люди, и только А Боонь никак не приклеивался. Подметать и пропалывать бабушкину могилу на Цинмин*, когда в кустах, словно черти, орут цикады, на Новый год ходить по соседям, где все подтрунивают над его тщедушным тельцем и толкуют о том, что когда-нибудь он пойдет по стопам отца и станет рыбаком. Традиция — это мерка, которой его постоянно пытались мерить и перед которой он вновь и вновь пасовал.

— Традиция — это значит Па так делал, и я тоже, так что у тебя выбора нету. — Хиа усмехнулся, блеснув в темноте белыми зубами.

А Бооню свело подошвы ног — так бывало, когда его что-то тревожило. Он закусил губу. Не станет он плакать!

Лодка сбавила ход.

— О, наконец-то, — обрадовался Хиа. — Ну чего, Боонь? Готов окунуться в холодную воду и поплавать в темноте?

Двигатель стих, теперь до А Бооня доносились лишь мерные удары волн. Они сделались громче, словно во-

* Традиционный китайский праздник поминовения усопших. Празднуется на 104-й день после зимнего солнцестояния.

да разбивалась о твердь. И как же темно! Он почти ощущал, как холодная вода смыкается над ним, как от соли щиплет глаза, как где-то глубоко в носу полыхает пламя. В воде вокруг него что-то двигалось, нечто невидимое и крупное, а может, и маленькое, неважно. Важно, что оно притронется к нему. В тот самый момент, когда он меньше всего этого ожидает, оно прижмется своим скользким телом к его коже, к ступне, к щеке, к затылку. Заранее не угадаешь.

Лодка остановилась. А Боонь чувствовал, что отец, прежде сидевший у него за спиной, возле двигателя, поднялся. Того и гляди Па скажет, чтобы он прекратил реветь и лез в воду. А Боонь зажмурился. Он почувствовал, как отец коснулся его макушки, но вместо того, чтобы, по обыкновению, ласково потрепать по волосам, просто положил руку ему на голову.

Никто ничего не говорил. Лодка мягко покачивалась, однако где-то неподалеку, ближе, чем следовало бы, разбивались о камень волны.

— Как же это? — спросил Па. Говорил он тихо, точно боялся растревожить воздух.

— Не знаю, — ответил Хиа, — мы что, ушли куда-то в другую сторону?

— Не могли. Курс-то у нас всегда одинаковый.

А Боонь открыл глаза. Ни Па, ни Хиа на него не смотрели. Их взгляды были обращены на нечто впереди, нечто огромное.

Остров. Береговая линия его напоминала берег их родного острова: местами камень, а местами песок. Поэтому и волны так шумели — их лодка приближалась к бухте. Однако их остров был плоским, а эта суша гигантским горбатым чудищем громоздилась над морем. Никогда еще не видел А Боонь таких высоких утесов.

Прилив нес лодку, бережно подталкивая ее к берегу. А Боонь обернулся и посмотрел на Па и Хиа. Хиа

стоял, разинув рот, его толстая нижняя губа блестела от слюны. Ноздри трепетали, словно плавники рыбы, когда ее вытащишь на сушу. Лицо Па, наоборот, оставалось непроницаемым. Губы поджаты, брови нахмурены.

По их лицам А Боонь понял: что-то неладно. Оба они молчали, точно боялись пробудить размытую громаду впереди.

Впрочем, сам А Боонь не испугался. Его лишь покалывало любопытство, да еще тело непривычно зануло. Он пожалел, что не видит в темноте контуров выросшей перед ним суши. Не видит, какие здесь склоны — каменистые или поросшие деревьями, гнездятся ли на берегу чайки, глинистая почва или песчаная. Прячутся ли за утесами джунгли и есть ли там протоптанные зверем или человеком тропинки. Легкий ветер погладил пушок на руках А Бооня. Остров будто бы издавал жужжание, и от этого воздух непривычно дрожал.

Па рыбачил здесь больше двадцати лет, добрую половину жизни. Он изучил каждый километр побережья, на котором стоит его кампонт, знал каждый водоворот, где поблескивают водоросли и мусор, каждый скальный выступ — некоторые облюбовали морские птицы и упрямо распевают на них песни, а других скал они по какой-то непонятной причине сторонятся. Разумеется, будь тут остров, отец знал бы это, а он точно знал, что никаких островов здесь нет.

Как же тогда объяснить вот это? Мираж? Однако волны говорили об обратном. Движения лодки позволяли Па определить расстояние до берега, и звук приборя подтверждал то, что видели глаза. На миг ему даже пришла в голову сумасшедшая идея направить

лодку к берегу и проверить, не пройдет ли она насквозь.

— Нам туда можно? — спросил, будто прочитав отцовские мысли, А Боонь.

Па вздрогнул.

— Не глупи, Боонь. Мы же про... это место ничего не знаем.

Он хотел сказать, что не знает, мелко в бухте или глубоко, что под водой могут торчать острые камни и много чего еще, хотел перечислить разумные доводы, останавливающие его, но слова застряли в горле. Им медленно овладевал благоговейный страх. Па не был суеверным, и тем не менее...

— Па, почему мы раньше такого тут не видели? — спросил Хиа.

Па молчал. Наконец он оторвал взгляд от острова.

— Поворачиваем домой.

— Да мы ж даже сети не поставили, — возразил Хиа.

— На обратном пути поставим, — сказал Па.

— На обратном пути и рыбы-то нету. Почему их тут не поставить? Рядом с нашим обычным местом.

Голос старшего сына звучал настойчиво, но уважительно. Хиа умел говорить так, чтобы не ставить под сомнение отцовский авторитет. И все же Па нахмурился еще сильнее. Необходимость объясняться его не прельщала.

— А вдруг мы тут не рыбу выловим, а еще чего-нибудь? — спросил А Боонь.

Рука Па стремительно взлетела в воздух и с силой врезалась в правое ухо А Бооня. Голова мальчика дернулась, и он поспешно прикрыл ее. Но затрещин больше не последовало — едва подняв руку, Па уже стал раскаиваться.

— Не говори глупостей, — бросил Па.

Однако втайне он боялся именно того, о чем сказал вслух А Боонь. Кто знает, что там прячется в воде возле этого несуществующего острова?

— Все, поворачиваем домой, — твердо произнес он.

Ухо А Бооня по-прежнему ныло от отцовской затрешины. Внезапно ветер с яростным воем пронесся по волнам, и воздух вновь словно наполнился жужжанием. Мальчику почудилось, будто из темноты за ними наблюдают. Не люди и даже не звери. В душе зрела необъяснимая уверенность, что наблюдает за ними сам остров.

Па дернул шнур, и тишину разорвал механический рев двигателя. А Бооню показалось, будто от шума остров отступил, а берег отпрянул. Но на этот раз мальчик предпочел промолчать.

Па развернул лодку. А Боонь и Хиа вскарабкались на корму, провожая глазами остров. Хотя двигались они на самых больших оборотах, неясная темная громада, похоже, не уменьшалась, а, напротив, росла. Точно пустилась за ними в погоню. Желая убедиться, что Хиа видит то же самое, А Боонь повернулся к брату.

Однако Хиа не смотрел на остров. Под руководством отца он спускал за борт сети.

— Давай-ка, Лещ, помогай. — Хиа протянул А Бооню угол сети и показал, где на борту полагается его закрепить.

А Боонь тоже забыл об острове. Задания были незамысловатыми: тут веревка, там — два узла, следить, чтобы сеть не зацепилась за руль. Это он усвоил мгновенно, и впервые жизнь рыбака не внушала ему прежнего ужаса — знай себе приглядывай за сетью, а ветер в это время треплет тебя по щекам. Больше А Боонь не отвлекался.

Лишь когда Хиа спросил Па, кому тот собирается рассказать об увиденном, А Боонь оглянулся назад. Остров уменьшился, его было видно, только если точно знать, куда смотреть. Прищурившись, мальчик вглядывался в холмик в отдалении, наблюдая, как тот все сжимается и сжимается, пока наконец совсем не исчез. Остался один горизонт.